

МАСОНСТВО - ЭТО...

Иногда мне приходится самому сомневаться, что я в своем уме. Это происходит, когда я соглашаюсь написать статью на такую провокационную тему, как, например, «масонство — это...». Ранее масонству уже было дано множество различных определений, и великими масонскими учеными, и людьми, считавшими себя великими масонскими учеными. Ему давали определение вернейшие наши сторонники и вернейшие наши враги. Поскольку масонство есть постоянно развивающаяся и меняющаяся структура, данное ему сегодня определение, вполне возможно, не будет соответствовать действительности уже завтра, равно как не соответствовало оно ей вчера. Но по-настоящему хорошее определение всегда универсально, и некоторые свойства не теряют актуальности никогда. Пытаться уловить его смысл — все равно что гоняться за блуждающими огнями на болоте, и я готов признать, что и гораздо более достойные умы, чем я, все еще не преуспели в этом.

За века масонские ученые составили множество определений масонства, и все они в той или иной степени применимы к тому, чем мы занимаемся сейчас, и наделены определенным смыслом. Все они так или иначе описывают наш Цех, и все же этого не делают, по крайней мере, делают, но не исчерпывающе. Сколько бы ни вкладывали в эти определения значений, они чаще всего остаются бессмысленными, особенно для не состоящих в нашем Братстве. Одно из самых привлекательных и часто используемых определений гласит: «Масонство — это прекрасная система нравственности, окутанная аллегориями и проиллюстрированная символами». Это также и одно из самых полных определений, но что оно значит для тех, кто не входит в наше Братство, да и — не будем лукавить — для многих его членов?

Все же, несмотря на всю противоречивость облика масонства в глазах окружающих и на неочевидность его целей и непосредственных задач даже для руководства организации, именно она, наша организация изменила ход развития гражданского общества. Так почему же так сложно составить разумное, полное и понятное определение? Вероятно, потому, что масонство есть то, чем его считает каждый отдельно взятый брат в своем собственном сознании. Для каждого отдельно взятого брата оно никогда не будет чем-либо меньшим или большим, чем он сам его для себя делает.

Мне довелось много поехать по миру, посмотреть на масонство в самых разных юрисдикциях и убедиться в том, что, пусть структурно наше Братство и носит вселенский характер, суть его деятельности может варьироваться, и весьма значительно. Стремясь классифицировать мировое масонство по «оперативным стилям», или «образу действия», я смог выделить, как мне кажется, четыре довольно четко разделенных таких стиля: философский, социологический, политический и благотворительный. Соотнесение той или иной юрисдикции с тем или иным стилем основано на значении, которое придается в этих юрисдикциях тому или иному аспекту деятельности и на истории развития данных юрисдикций, приведшего к доминированию того или иного аспекта. Учение масонства существовало всегда, но движущие силы Братства всегда соотносили его с социальными структурами, внутри которых оно существовало в разное

время. Практически в любой среде, где существует масонство, его сущность сформирована обществом, внутри которого оно существует. (Единственное исключение из этого правила я наблюдал до сих пор лишь в случае с русским масонством до времени правления Екатерины Великой, когда скорее Братство формировало общество, чем наоборот.)

Например, европейское масонство тяготеет скорее к тому, что я здесь называю философским стилем, сохраняя философский и интеллектуальный подход к развитию Братства, характерный для эпохи Просвещения. В Южной и Центральной Америке, пусть там и сохранилось много следов философского стиля, больше масонского идеализма, вероятно, сформированного преследованиями их организаций, поэтому я бы скорее назвал их стиль социологическим. С другой стороны, в Мексике масонство развивается в более политизированном русле, так что, за неимением лучшего термина, я бы назвал стиль тамошнего масонства политическим.

Суть масонства парадоксальна, поскольку, даже меняясь, оно остается неизменным. Североамериканское масонство, по всей видимости, удалилось от своих первичных корней дальше, чем все прочие ветви масонства, развившись в практически чисто благотворительную организацию, утратив большинство черт философского стиля, в первую очередь характеризующего Братства в мире в целом. В своей книге «Теология преступления и парадокс свободы» доктор Е. Скотт Райан заметил: «Непревзойденный уровень масонской благотворительности ни в коем случае не идентичен уровню масонской духовности, и это в высшей степени прискорбно, - стоит только подумать о том, сколь много было великих деяний милосердия и сколь мало великих проявлений духа». Пусть мы обычно и отказываем масонству в праве считаться особой системой духовности, многое в его природе позволяет заполнять данную нишу именно им. Естественно, любая попытка составить универсальное определение, основываясь на североамериканской «благотворительной» модели будет заведомо провальной, но даже при условии, что эта модель сильно отличается от всех прочих, она остается неизменной и она остается масонством.

Во всех юрисдикциях наблюдается определенное смешение стилей. Например, во всех наблюдаются элементы философского и благотворительного стилей, а различия состоят практически только в значении, которое им придается. Возможно, есть в мире и иные масонские стили и их подвиды, но мне просто не хватило пока времени и ума их изучить. В силу различий в образе действия между различными масонскими юрисдикциями любая попытка составить всеобъемлющее определение будет крайней сложной в исполнении, а может быть, и заведомо обреченной на провал. В этом и состоит, скорее всего, причина обтекаемости и ущербности всех существующих на данный момент определений.

Не может так быть, чтобы кто-то из наших братьев принимал участие в наших работах, и это никак не отразилось бы на его жизни вообще. Масонство изменило жизни тысяч людей, вселив в их сердца уверенность в верности того пути, который они себе избрали и его направления. Оно воистину становится особым образом жизни человека (вот и еще одно несовершенное определение). Масонство все равно остается неким неуловимым и фактически не поддающимся определению проявлением скрытого в человеке потенциального добра. При должном

применении его философия вполне может служить делу взаимопонимания и мира во всем мире.

Итак, что же такое масонство? Меня попросили написать короткую статью на эту тему, а то, что мне в итоге удалось написать, явно никому не даст более ясного понимания предмета, чем было до ее прочтения. Наверное, я скорее добавил теме еще неопределенности.

Когда меня спрашивают, что такое масонство, я обычно отвечаю: «Это братство, предназначенное для того, чтобы брать хороших людей и делать их лучше». Но масонство и значительно больше этого. Более чем все остальное, оно для меня идеал, а не какая-то осязаемая и четко определенная структура с заранее прописанными целями. Я вообще сомневаюсь, что масонству можно дать определение, потому что дать определение — значит, ограничить, а как мы можем ограничить идеал?